

В. И. Россман³**НАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМ И СИМВОЛИЗМ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ**

Отцы-основатели теории наций указывали на роль форм разговорного языка (*vernacular*), газет, романа и картографии в генезисе концепции нации как воображаемого сообщества (Бенедикт Андерсон). Однако ни один из известных теоретиков нации не обратил внимания на роль столичных городов или национальных столиц в строительстве нации (*nation-building*). Между

тем возникновение столичных городов в XVII веке стало не только важной вехой в процессе национального строительства европейских наций, но и важнейшим катализатором процесса строительства этих наций. Кроме того, характер столичного города во многом определял характер нации, пути ее развития и трансформации, а также формы ее конституционного устройства (унитарные и федеративные нации). Хотя выбор столичных городов является фундаментальным элементом строительства наций в нескольких разных смыслах, оказывая влияние на формирование нации и на различные фазы ее строительства, здесь мы коснемся только одного аспекта этого вопроса — символизма национальных столиц.

Символическая функция столиц во многом определяет политический успех или фиаско города в качестве национальной столицы. Характер избранных символов указывает на уровень репрезентативности столицы и ее интеграционный потенциал.

³ Профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, штат Техас, США), доктор философии и политических наук. Приглашенный профессор факультета международных отношений Экономического университета (Братислава, Словакия). Преподавал в университетах России, США, Центральной Европы, Юго-Восточной Азии и Израиля. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Столицы», «В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы», «Capital Cities: Varieties and Patterns of Their Development & Relocation», «Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era», «Два призрака XIX века». Член редколлегий нескольких российских и зарубежных журналов.

Можно выделить *три аспекта эффективности символических функций столицы*: инклюзивность или репрезентативность символов по отношению ко всем участникам национального проекта, интегрированность символических и перформативных функций столицы, а также интегрированность собственно национальных и универсальных — глобальных и модернизированных — символов в масштабе города.

Инклюзивность символов подразумевает участие микронарративов различных конституирующих элементов нации в визуальном ряде города и метанарративах, которые в нем воплощаются. Так, в визуальном пространстве столичного города инкорпорируются различные идентичности составляющих его членов, регионов, земель, штатов, республик, этнических и социальных групп. Авеню в американской столице названы именами различных штатов, и в нескольких случаях их размер и расположение отражают место и роль данного штата в ходе формирования американской нации и в Американской революции. Не случайно Массачусетс и Пенсильвания авеню занимают центральное место в системе коммуникаций и символическом порядке города. В Канберре центральные авеню как бы соединяют прежде разрозненные австралийские колонии: Брисбен авеню, Аделаида авеню, авеню Союза.

Символическое значение имеет даже строительный материал. При строительстве здания австралийского парламента были использованы материалы, привезенные из разных частей федерации. В здании Конгресса в Вашингтоне представлены памятники и скульптуры, изготовленные из материалов, специфичных для конкретных американских штатов. Фрески на здании парламента Канады представляют растения и животных из всех провинций. В топонимике столичных городов также часто представляются различные регионы страны.

Столичные города представляют не только идентичности всех штатов или земель, но и малые идентичности и малые народы, которые в некоторых случаях сыграли особую роль в строительстве новой столицы. Так, например, в Бразилии на площади Трех властей есть скульптура, посвященная небольшому индейскому племени канданго (Candangos), которое принимало активное участие в строительстве нового города и жило на территории, отведенной под новую столицу. Названия австралийской и канадской столиц (Канберра и Оттава) взяты из языков аборигенного населения этих мест. Множественность нарративов, воплощенных в опорных точках пространственного плана города, служит инклюзивности и интеграционному потенциалу нового города.

В связи с этим стоит обратить внимание на своего рода преемственность между современными спланированными столицами и столицами имперских и деспотических государств древности. Так, например, в Древнем Египте столичные религиозные культовые центры инкорпорировали религиозные святыни и пантеоны местных богов. В Китае в эпоху объединения древних княжеств под властью династии Цинь (с 221 г. до н. э.) в столице государства Сяньяне, который специально был размещен неподалеку от древней

чжоуской сакральной столицы, происходит интеграция культов присоединенных княжеств. Император Цинь Шихуан построил в окрестностях новой столицы копии дворцов всех местных князей (*чжухоу*), тем самым перенес на новую столицу часть сакрального статуса местных центров и алтарей земли и злаков. Он также привез в свои дворцы ритуальные бронзовые колокола и барабаны, которые являлись частью местных религиозных культов и были изъяты из столиц старых княжеств. Все это служило источником укрепления статуса Сяньяна как единого центра Китая, который стяжал все политические и сакральные полномочия. В древней Ассирии в дворцовых садах собирали растения и животных из разных концов государства. В Московском княжестве князь старались привезти в столицу важнейшие общерусские святыни, которые находились в других городах. Так, в Успенском соборе оказались иконы Св. Спаса Вседержителя (Новгород), Благовещения Пресвятой Богородицы (Великий Устюг), Одигитрия (Смоленск), Божья Матерь Владимирская, икона Псково-Печерская, Спас Нерукотворный из Хлынова, Св. Николай Великорезский из Вятки и др.

Однако такая форма интеграции символов имеет противоположный смысл. Если в деспотических государствах древности задача состояла скорее в *стяжании сакральности* и нивелировании частных идентичностей, то в современных акцент делается именно на инклюзивности. Наиболее успешным государствам удается создавать в столицах публичные пространства, которые позволяют представлять, локализовывать и интегрировать движения социального протеста, что также способствует инклюзивности.

Перформативность. Эффективность символов выражается также в их перформативном характере, связи с национальными ритуалами и церемониями. В результате символы приобретают смысл конкретных действий и диктуют определенные нормативы поведения. В наиболее ярком виде такая сопряженность перформативности с символами достигается в спланированных столицах, формы которых были специально созданы для совершения церемониальных действий. Здесь сама организация пространства приглашает к проведению торжественных национальных празднеств и фестивалей, а символы пространства соотносены с символами времени и происходящими в столице национальными событиями.

По мнению канадских градостроителей, столица представляет собой такое место, где «подчеркивается прошлое, представляется настоящее и воображается будущее» (NCC, 2000). Перформативная функция обеспечивает именно такую связь пространства и времени. Символизм некоторых новых столиц, акцентирование в них связи пространства с конкретными действиями и ритуалами не уступает по сложности, изощренности и многослойности древним сакральным столицам.

Одну из таких успешных перформативно-символических столичных систем описывает социолог архитектуры Михаил Вильковский на примере Вашингтона. В этом городе прошлое, настоящее, будущее и вечное разнесены по сторонам света по отношению к символическому кресту в центре, где стоит памятник Джор-

джу Вашингтону с обзорной площадкой на вершине. Здание Белого дома символизирует настоящее, мемориал Джефферсона — прошлое, Капитолий — будущее, мемориал Авраама Линкольна и Арлингтонское кладбище — вечное.

Символы и перформативный потенциал столицы и ее архитектуры, таким образом, с большим или меньшим успехом обеспечивают эффект *соучастия* нации в важнейших национальных ритуалах.

Одним из индикаторов перформативной эффективности служит доступность публичных пространств, что особенно важно для столичных городов. Урбанисты выделяют *визуальную*, *символическую* и *физическую* доступность. При этом возможность участия в ритуалах нации в публичных пространствах усиливает эффект символической доступности. Большая доступность публичных пространств, их демократичность и перформативная открытость делают их подходящими для того, чтобы столицы выполняли свою интегративную функцию, и дают чувство сопричастности к городу как к национальной столице. Возможность участия максимального количества людей служит важным преимуществом таких публичных пространств.

Связь с глобальными метанарративами. Успех символов столицы и символический капитал города также во многом определяются тем, в какой степени они включают вертикальное или глобальное измере-

ние. Поэтому во многих столичных городах подчеркиваются их вселенские притязания и сопричастность универсальным нарративам мировой истории. Современные столицы модерна по существу представляют собой узлы сопричастности проекту Просвещения или модернизации. В архитектуре новых столиц (Бразилии, Санкт-Петербурга, Пуэрта-Рика, Дели) присутствует эта вселенская вертикаль и видение своей особой миссии в универсальных процессах.

Такая связь с глобальными метанарративами осуществляется не только за счет знаков и символов технического прогресса и глобальной экономики, но и за счет акцентирования мировых связей и архитектурных аллюзий и аллитераций, отсылающих к важнейшим историческим центрам древности, с которыми преемственно связаны ценности и достижения мировой цивилизации, чаще всего к Риму, Иерусалиму или Мемфису. Подобные планы создавали многослойную семиотику урбанистического пространства.

Именно в русле такого символизма можно интерпретировать присутствие масонской символики в градостроительных планах Санкт-Петербурга, Вашингтона, Бразилии и Канберры, которая упоминается в работах не только поп-историков, но и многих серьезных историков (D. Ovason, C. Pinto, Л. Мацих, P. Proudfoot и др.). Новые столицы в каком-то смысле воспроизводят элементы сакральных столиц древности с их мироустроительными и космическими функциями.